

Николай Вахтин Евгений Головко
Петер Швайтцер
Русские старожилы Сибири

НОВОЕ издательство

**Николай Вахтин
Петер Швайтцер
Евгений Головко**

Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3083705

*Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты
самосознания: Новое издательство; М.:; 2004
ISBN 5-98379-005-6*

Аннотация

Старожилы Сибири и Дальнего Востока, потомки русских переселенцев XVIII—XIX веков, не причисляют себя ни к русским, ни «коренным народам Севера». Они создали свою неповторимую культуру, и каждая старожильская группа считает себя самостоятельным народом. Детальный анализ этнического самосознания старожилов, представленный в книге антропологов Николая Вахтина, Евгения Головко и Петера Швайтцера, позволяет приблизиться к пониманию сути этничности, ее компонентов и способов конструирования. Книга основана на интервью с современными сибирскими

старожилами, записанных авторами в поселках на реках Колыме, Индигирке и Анадыре, а также на исторических, в том числе архивных, материалах. Для сравнения авторы привлекают данные о камчадалах и креолах Русской Америки, что позволяет показать проблему самосознания старожилов в более широком контексте. Книга адресована всем, кто интересуется проблемами формирования, изменения и сохранения этнического самосознания.

Содержание

Предисловие	5
Введение	11
Глава 1. История старожильческих групп	28
Краткие сведения о колонизации Сибири	28
История складывания смешанных общностей	36
Территория и ее формирование	39
Три старожильческих общности	54
Индигирка: село Русское Устье	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Н. Б. Вахтин, Е. В.
Головко, Петер Швайтцер
Русские старожилы
Сибири: Социальные
и символические
аспекты самосознания**

Предисловие

Настоящая книга базируется на архивных и полевых материалах, собранных участниками проекта при деятельном участии аспирантки факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге М.В. Хаккарайнен, которая, работая в 1998 и 1999 годах в селе Марково над собственной темой, оказала нам большую помощь в сборе материалов.

Мы собирали полевой материал (преимущественно интервью) в трех поселках – Русском Устье, Походске и Маркове. Первые несколько интервью по данной теме были записаны Н.Б. Вахтиным до начала проекта, в 1993 году в Русском

Устье и Походске и в 1996 году в Анадыре. Осенью 1998 года Е.В. Головки работал семь недель в Якутске, Чокурдахе и Черском, в том числе в Национальном архиве Республики Саха (Якутия), архиве Якутского научного центра СО РАН и в местных архивах; в 1999 году Е.В. Головки и П. Швайтцер продолжили работу в Якутске, Черском, Чокурдахе, Русском Устье и Походске, где провели еще полтора месяца, работая как с местными жителями, так и в упомянутых выше архивах. Летом 1998 года Н.Б. Вахтин и М.В. Хаккарайнен провели семь недель в Маркове, а также в Анадыре, где изучали архивные материалы; в 1999 году М.В. Хаккарайнен продолжала сбор материала в Маркове, а Н.Б. Вахтин работал в Хабаровском краевом архиве.

Всего было опрошено 102 человека, как местных жителей, так и приезжих. Размеры записанных от разных людей интервью, естественно, различаются: от коротких бесед со случайными попутчиками до продолжительных, часто неоднократных интервью. По возрасту информанты распределяются следующим образом: 16—25 лет – 11 человек, 26—35 лет – 22, 36—45 лет – 31, 46—55 лет – 10, 56—65 лет – 17, 66 и выше лет – 8, а также три человека (случайные попутчики) неизвестного возраста. По полу: 63 женщины и 39 мужчин. По месту записи: Анадырь – 7 интервью, Марково – 32, Походск – 11, Русское Устье – 12, Чокурдах – 12, Черский – 21, Якутск – 2, а также по пути из Русского Устья в Чокурдах –

4, из Черского в Походск – 1.

По этическим соображениям мы сочли необходимым не только не называть имен и фамилий наших информантов, но и не давать сокращений и индексов, по которым в этих небольших общностях можно легко «вычислить» того или иного человека. Максимальная информация, которую мы позволили себе дать о каждом информанте, – это его *пол*, *год рождения* и *место записи интервью* или разговора. Все ссылки на информантов в тексте книги сделаны следующим образом: первая буква означает *пол* (*м/ж*), следующие две цифры – *год рождения* (без первых двух цифр, т. е. 67 вместо 1967), следующие две буквы – *место записи*. Сокращения мест записи: *АН* – интервью записано в Анадыре, *МК* – в Марково, *ПХ* – в Походске, *РУ* – в Русском Устье, *РЧ* – по пути из Русского Устья в Чокурдах, *ЧК* – в Чокурдахе, *ЧП* – по пути из Черского в Походск, *ЧР* – в Черском, *ЯК* – в Якутске. Например, *м 55 ЧР*: «Мужчина, 1955 года рождения, интервью записано в Черском»; *ж?? РЧ*: «Женщина, возраст неизвестен, интервью записано по пути из Русского Устья в Чокурдах».

В некоторых случаях мы приводим не только ответы информантов, но и вопросы собирателей. Эти вопросы даются также в виде прямой речи, как правило, с указанием, кто именно их задавал: *В* – Н.Б. Вахтин, *Г* – Е.В. Головкин, *Ш* – П. Швайццер, *Х* – М.В. Хаккарайнен.

Авторы выражают свою искреннюю признательность всем, кто помогал им в сборе полевых материалов, прежде всего – всем жителям поселков Русское Устье, Походск, Марково, Чокурдах и Черский, а также города Анадырь, щедро поделившимся с нами своим временем и уникальными знаниями. Авторы благодарны также: директору Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН Василию Афанасьевичу Роббеку и сотрудникам этого института Алексею Гавриловичу Чикачеву и Сардане Ивановне Шариной, научному сотруднику Института языка, литературы и истории АН Республики Саха (Якутия) Екатерине Назаровне Романовой, главе администрации Нижнеколымского улуса Александру Николаевичу Шарину, главе администрации Аллаиховского улуса Семену Николаевичу Рожину, руководителю культурного центра «Этнос» (пос. Черский) Пелагее Николаевне Ермолаевой, главе администрации села Походск Ивану Павловичу Суздалову, жителям села Походск Михаилу Павловичу Суздалову и Ивану Николаевичу Березкину, главе администрации Алексею Васильевичу Киселеву и секретарю администрации села Русское Устье Ольге Владимировне Банщиковой, сотрудникам Анадырского педагогического училища Александру Николаевичу Рудченко, Маргарите Павловне Лыткиной, Людмиле Яковлевне Пещанской; журналисту Петру Меркеру, главе администрации села Марково Виктору Ивановичу Созыкину, директору марковской школы Марии Васильевне Слепцовой, главврачу марковской

больницы Константину Ивановичу Елисееву, а также жительнице села Марково Фаине Яковлевне Кирохомцевой за неоценимую помощь в организации работы.

Эта книга не могла бы появиться без деятельной помощи Пирса Витебского, директора антропологического отдела Scott Polar Research Institute в Кембридже, где Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки летом 2000 года работали над первым вариантом рукописи. Там же мы получили бесценную для любого североведа возможность пользоваться прекрасно подобранной библиотекой Института; сотруднику этой библиотеки Изабелле Уоррен, ответственной за комплектацию русских книг, – наша особая признательность.

Особой благодарности заслуживает также Westcott College, Кембридж, гостеприимство которого и идеальные условия для работы позволили работать над этой книгой не только эффективно, но и с удовольствием.

Неоценимую помощь авторы получили от рецензентов этой книги И.И. Крупника (Arctic Studies Center, National Museum of Natural History, Smithsonian Institution, Washington D.C.), О.А. Мурашко (Научно-исследовательский институт и Музей антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова) и С.А. Штыркова (факультет этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге), отношение которых к своим обязанностям было далеко от формального.

Наконец, на самом последнем этапе подготовки этой кни-

ги чрезвычайно полезным для авторов стало участие в ежегодной конференции Американской антропологической ассоциации, проходившей в ноябре 2002 года в Новом Орлеане. Доклады и дискуссия, состоявшиеся на заседании секции «Creole Identities? The Predicaments of Mixed Communities in the Circumpolar North», которая была организована П. Швайтцером, позволили взглянуть на обсуждаемую в книге проблему в более широком контексте.

Введение

В 1899 году член Императорского географического общества В.П. Маргаритов писал о Камчатке и ее обитателях: «Что касается до особенностей одежды, обуви, домашней утвари и пр., *то* желающему коллекционировать этнографические предметы Камчатки пришлось бы собирать предметы всевозможных образцов и типов, представляющих смесь предмета, употребляемого северными дикарями и культурным народом, не исключая японцев и американцев» (Маргаритов 1899: 125).

Другими словами, уже в конце XIX века было ясно, что на Камчатке невозможно найти «чистую традицию»: коренные народы не слишком упорствовали в своей приверженности «традиционным» одежде, обуви или орудиям в том виде, в каком они получили их от предков. Напротив, как только появлялась возможность заменить привычный предмет на лучший, более удобный, более функциональный, коренные жители, будучи нормальными практичными людьми, всегда охотно на это шли.

Ситуация знакома и современному исследователю северных районов. Точно такое же впечатление получает сегодня человек, впервые зашедший в эвенский чум или чукотскую ярангу: предметы, облик которых не менялся сотни лет, соседствуют с фабричным табуретом, посудой, клеенкой, вед-

рами, радиоприемником. меховая одежда мирно уживается с резиновыми сапогами. Оленьё мясо – с хлебом. Да и мировоззрение сегодняшних коренных жителей Севера тоже представляет собой причудливую и очень любопытную смесь.

Показательно, что процитированная выше книга Маргаритова опубликована больше ста лет назад – в год, когда В.Г. Богораз в качестве сотрудника Джесуповской экспедиции ещё только собирался ехать к чукчам. Из этой экспедиции Богораз через три года привезет замечательное, уникальное описание *традиционного* быта и культуры чукчей, ставшее этнографической классикой¹. Это описание оказалось возможным, несмотря на то что по соседству с чукчами, примерно в 300 км к югу, в северных районах Камчатки, обитали народы, традиционный быт которых уже подвергся значительному влиянию русских и американцев.

Сегодня то, что писал сто лет назад Маргаритов о камчадалах, становится верным для других северных народов, включая и чукчей – носителей одной из самых устойчивых

¹ Это описание (Bogoraz 1904—1909) отражало, видимо, действительно традиционное, т. е. ещё не подвергнувшееся значительному влиянию европейцев, состояние чукотской культуры. Ср. следующее мнение одного из исследователей побережья Арктики, работавшего там в 1909 году: «Сравнивая описания старинных русских путешественников с нашими наблюдениями, мы невольно приходили к заключению, что форма их (чукчей. – *Авт.*) быта уже лет полтора тому назад существенно не отличалась от настоящей и что чукчи настоящего времени, при всех изменениях материальной культуры, очень мало отличаются от чукчей времен путешествия Биллингса» (Толмачев 1911: 99–100).

культур Севера: их культуры подвергаются значительным изменениям. Не следует ли отсюда, что изучение *современного* состояния камчадалов и представителей других аналогичных культур, демонстрировавших явные признаки смешения уже в конце XIX века, сможет пролить некоторый свет на *будущее* других культур, в которых признаки такого смешения заметны сегодня? Конечно, прямой зависимости здесь не может быть – и тем не менее, подобно тому как в каком-то смысле прошлое камчадалов (а с ними и чуванцев, индигирцев, колымчан) – это настоящее чукчей, настоящее камчадалов может оказаться будущим чукчей (а с ними и коряков, эвенов, ненцев). А попытка заглянуть в будущее слишком соблазнительна, чтобы от нее отказаться – даже если опыт показывает, что подобные попытки не удаются никогда.

Задачей данной книги является описание некоторых форм этнического самосознания (*ethnic identity*), которые появились в результате прихода русских в Восточную Сибирь и образования там групп так называемых *русских старожилов*, т. е. потомков людей, пришедших 350—200 лет тому назад на новые для них земли, смешавшихся с местным коренным населением и осевших там.

Эти группы представляли собой цепь арктических и субарктических поселений, располагавшихся главным образом в дельтах крупных сибирских рек: Обь, Енисей, Анабар, Оленек, Лена, Яна, Индигирка, Колыма; на Таймыре, а также в некоторых районах по побережью Тихого океана (сред-

нее течение Анадыря, Камчатский полуостров, устья рек Гижига, Охота, Яна (около Магадана) и др. (см.: Каменецкая 1986б). Эти северные группы существенно отличались от старожильческих поселений южных районов Сибири и Дальнего Востока, которые объединяли земледелие и скотоводство с охотой, рыболовством и иногда оленеводством (см., например: Александров 1964; Русские старожилы 1973; Липинская 1996; Люцидарская 1992; Этнография 1969; Русские Сибири 1998). В природных условиях Южной Сибири могли существовать крупные русские поселения, и возможно было сохранение традиционного для русских типа хозяйства. Напротив, северные старожильческие группы всегда селились небольшими анклавами в условиях, не приспособленных для земледелия, в окружении различных, но всегда численно превосходящих групп коренных жителей. Условия тайги и тундры требовали других хозяйственных моделей (оседлое рыболовство, охота, трапперство) и заимствования элементов материальной и духовной культуры у соседей – коренного населения этих районов.

Старожильческие группы в течение долгого времени выпадали как из сферы внимания государства, так и из области интересов исследователей: не являясь ни «приезжими», ни «коренными народами», они как бы провалились в щель между двумя сферами интересов науки и государства. В частности, на них не распространялись ни решения государства о поддержке коренного населения Севера, ни льго-

ты, которые государство предоставляло более поздним русским переселенцам. Это промежуточное положение между «коренными народами» и приезжими русскими сказалось и на самосознании старожилов, которое на протяжении XIX—XX веков претерпело ряд интересных изменений.

Старожильческие группы интересующего нас типа сформировались, видимо, к середине XVIII века (за исключением марковцев – см. ниже). Группы обосновались по берегам рек Северо-Восточной Сибири; в научной литературе и официальных документах эти группы, как правило, так и именовались – по названиям рек, вдоль которых они селились: *анадырцики*² (среднее течение реки Анадырь на Чукотке), *гижигинцы* (устье реки Гижига на Северо-Западной Камчатке), *колымчане* (нижнее и среднее течение реки Колыма), *индигирцики* (нижнее и среднее течение Индигирки), *устьянские* (устье реки Яна), *ангарские* (река Ангара), *ленские* (река Лена) и другие. Основные населенные пункты на северо-востоке Сибири, в которых в XVIII—XX веках было сосредоточено старожильческое население, – это поселки *Русское Устье* на Индигирке и *Походск* на Колыме (основаны в конце XVII века³), *Нижнеколымск* (1644), *Среднеколымск*

² Это слово (так же, как *индигирцики*) представляет собой традиционное самоназвание, в настоящее время вышедшее из употребления. Однако, поскольку эти названия постоянно встречаются в исторической и этнографической литературе, посвящённой данному региону, мы сочли возможным использовать их на протяжении всей книги без специальных помет.

³ О существующих разногласиях по поводу даты основания Русского Устья см.

(1643); *Верхнеколымск* (1640), *Колымское*, *Черский* (бывш. Нижние Кресты) – на Колыме; *Анадырский острог* (1649); *Марково* (1840-е); *Усть-Белая* (1890) – на Анадыре; *Гижига*, или *Гижигинск* (1753) – на Гижиге; *Ола*, *Пенжино* (1650-е) и другие поселения камчадалов – на северной Камчатке, и многие другие.

Общности, которые в русской традиции именуется старожильческими, имеют аналоги как по всему циркумполярному региону, так и в других частях света. Однако не существует единой терминологии для обозначения таких групп. На арктическом Севере для их обозначения наряду с названием «старожилы» используются (или использовались) и другие: «метисы» (*Métis*) – в северной Канаде, «поселенцы» (*Settlers*) – на Лабрадоре, а также «креолы» (*Creoles*) – во времена существования Русской Америки. В других частях света «креолы», «метисы» (*Mestizo*) и другие подобные наименования использовались в отношении смешанных групп, появившихся в результате колониальной экспансии. Хотя в первоначальном английском варианте этой работы мы использовали термин «креольские общности» (*Creole communities*), в данной книге мы пользуемся названиями «старожильческое население» и «смешанные группы» в качестве синонимичных нейтральных описательных наимено-

ваний.⁴

Наши русскоязычные информанты вряд ли согласились бы с названием «креолы» и были бы правы, хотя в последнее время и раздаются голоса в пользу расширенного применения этого термина (см., например: Hannerz 1987, 1996, Jackson 1989; Parkin 1993). Название «креолы» продолжает восприниматься как исторически и географически ограниченное, применимое прежде всего к обществам, возникшим в Вест-Индии на территориях, где существовали плантации и рабовладение (см.: Abrahams 1983; Brathwaite 1971; Creolization 2000; Trouillot 2002). Впрочем, хотя мы и отказались от использования этого термина применительно к нашему материалу, мы будем рассматривать старожильческие общности северо-востока Сибири в широком географическом и историческом контексте. Мы считаем, что для смешанных общностей в циркумполярном регионе и в других частях света характерны многочисленные общие черты. Наш подход, таким образом, и описательный – поскольку мы описываем конкретные общности, и типологический – поскольку мы ищем сходство и различие между подобными общностями в разных частях света.

Процесс, который привел к появлению старожильческих общностей в Северо-Восточной Сибири и в других частях

⁴ В литературе на русском языке, как правило, отделяют старожильческие группы от смешанного населения; к последнему, в частности, относят группы, сменившие русский язык на другой, а также русифицированные коренные группы, при этом оба случая характеризуются высоким процентом смешанных браков.

России, тесно связан с расширением Московского государства на восток и на юг от Уральских гор, начавшимся в XVI веке. Русская колонизация громадных просторов Северной Азии стала возможной после того, как остатки Империи Монголов, сдерживавшей Московское государство с юга и с востока, распались либо были покорены. Завоевание Сибири и Дальнего Востока, главным образом в течение XVII века, совпадало по времени с западноевропейской колонизацией обеих Америк (Pagden 1995). С тех пор как в языке историков и обществоведов появилось слово «колониализм», не прекращаются горячие споры о том, применим ли этот термин к тем процессам, которые привели к формированию многонационального Российского государства (ср., например: Osterhammel 1997). Очевидно, что, в отличие от Испании, Португалии, Англии и других стран, России не пришлось пересекать океаны для того, чтобы увеличить размеры своей территории. И тем не менее это событие имело последствия, сходные с последствиями открытий в мореплавании, позволившими португальцам и испанцам пересечь Атлантику.

С другой стороны, испанцы и более поздние завоеватели застали на вновь открытых землях общества и культуры, которые не соответствовали их представлениям о человеческих, в то время как российское завоевание Сибири не принесло подобных неожиданностей. Как убедительно показал Андреас Каппелер (Kappeler 1982), знакомство русских с

финно-угорскими и татарскими народами, жившими в среднем течении Волги, помогло им выработать определенные модели взаимодействия с «иноверцами» и «инородцами», которые могли быть легко воспроизведены в Сибири.

Варианты колониальной идеологии и политики в обеих Америках можно попытаться классифицировать в зависимости от конечных целей колонизации. Как пишет Патриция Сид, основной целью британской колониальной политики было приобретение новых земель. С другой стороны, испанцы и португальцы считали своей главной целью в колониях взять под контроль население и его труд. Французская колонизация территорий, составляющих сегодня Юго-Восточную Канаду, имела третью цель: ни обширные лесные массивы, ни их население французов особенно не интересовали. Французской колонизацией двигала возможность приобретения мехов, и последующее возникновение меховой торговли «позволило коренным жителям сохранить контроль над охотничьими угодьями и не перейти на оседлый образ жизни» (Seed 2001: 56).

Российская колонизация северных областей Сибири, пожалуй, более всего напоминает французскую модель. За пределами климатических зон, в которых возможно земледелие, ни земли, ни (рабский) труд не интересовали ни русское государство, ни русских поселенцев. Основной целью были меха, приобретаемые либо путем торговли, либо посредством охоты, либо в качестве налога.

Однако наша цель здесь – не обсуждение того, следует ли рассматривать русскую колонизацию Сибири и Дальнего Востока как сходный или отличный процесс по сравнению с западной колониальной экспансией. Мы используем западные примеры колонизации лишь как фон, на котором удобнее рассматривать специфические характеристики старожильческих общностей в Сибири.

В настоящей книге очерченная выше проблема рассматривается в основном на материале трех групп, избранных в качестве примера: поселок Русское Устье на Индигирке, поселок Походск на Колыме и поселок Марково на Анадыре. При этом сведения о других населенных пунктах и других старожильческих группах привлекаются в качестве фона и материала для сравнения.

Эти три поселка выбраны нами по ряду причин. Прежде всего они достаточно хорошо описаны в русской научной литературе, особенно старой, начиная с середины XIX века и по 1960-е годы. Сведения об этих поселках на протяжении более чем ста лет поставляли государственные чиновники, инспектировавшие эти районы, работавшие там врачи, путешественники (Майдель, фон Дитмар, Олсуфьев, Караев, Гондatti, Сокольников, Сильницкий), а также не в последнюю очередь политические ссыльные (Богораз, Иохельсон, Зензинов, Шкловский, Вруцевич, Циперович) – Север

Якутии был во второй половине XIX века обычным местом ссылки. Превосходные описания страны и людей, живущих там, которые оставили эти авторы, дают достаточно полную картину жизни русских старожилов в этих районах в конце XIX – начале XX века. В более поздний период – в 1920-е и 1930-е годы – на Севере Якутии и на Чукотке работали многочисленные экспедиции – геологические, землеустроительные, этнографические, – участники которых (Седов, Молодых, Биркенгоф, Скворцов, Шаталов, Гурвич) также оставили многочисленные свидетельства жизни старожильского населения. Это дает возможность сопоставления собранного нами полевого материала с историческими данными.

Далее, эти три поселка составляют своего рода центры своих территорий. Это верно прежде всего для Русско-го Устья, бывшего в прошлом административным центром всей территории Индигирки, и Марково, которое в XIX – начале XX века было административным центром Анадырской округи. В меньшей степени это касается Походска: центром Колымского края в прошлом был Среднеколымск; позже, в 1931 году, Походск оказался в составе вновь образованного Нижнеколымского района с центром сначала в Нижнеколымске⁵, а с 1942 года – в селе Нижние Кресты (в 1963 году переименовано в рабочий поселок Черский).

Наконец, территории, сконцентрированные вокруг этих

⁵ В настоящее время практически не существует: в конце 1990-х годов там проживало постоянно лишь две семьи.

трех поселков, составляют (или составляли в прошлом) в некотором смысле единство. Экономические, брачные, человеческие связи объединяли на протяжении всего XIX века Индигирку с Колымой, Колыму – с Анадырем. Эти связи становились то более тесными, то почти прекращались, но тем не менее можно утверждать, что старожильческие общности, живущие в Русском Устье, Походске и Маркове, составляют в некотором смысле единую группу. Конечно, размеры этой группы не ограничиваются только этими тремя регионами: не менее интенсивные контакты существовали между старожилками Анадыря и камчадалами северной Камчатки (поселки Гижига, Пенжина, Ола и др.), между Индигиркой и усть-янскими поселенцами (поселки Усть-Янск, Казачье и др.). Однако в данной книге именно эти три поселка выбраны нами как основные, а другие смежные и сходные группы привлекаются лишь как сопоставительный материал.

Специального комментария требует этническая терминология. К моменту прихода русских на Индигирку, Колыму и Анадырь в XVII веке здесь жили те, кто сегодня известен под названиями (с востока на запад) чукчи, коряки, кереки, юкагиры, эвены (ламуты); несколько позже на Индигирку и Колыму пришли якуты. По типу хозяйства это были кочевые оленеводы (чукчи, коряки, юкагиры, эвены), оседлые и полuosедлые скотоводы (якуты), охотники и рыболовы (юкагиры, эвены, кереки). Они жили, скорее всего, небольшими группами, от одной до нескольких семей, и находились в посто-

янном движении – круглогодичном (оленоводы) либо сезонном (охотники). По масштабам Севера это были достаточно многочисленные племена. Так, оленных чукчей, по данным Б.О. Долгих (явно заниженным), было в XVII веке, к моменту прихода русских, до 2000 человек, юкагиров – от 4500 до 5000 человек (Долгих 1960; см. критику его методики подсчетов: Murashko 1994).

При этом каждая из групп, известных сегодня под именем чукчей, коряков, юкагиров, эвенов, в свою очередь состояла из нескольких территориальных групп, конечно, не осознававших свою принадлежность к более крупным этническим единицам. Русские власти, облагая коренное население пушным налогом, переписали коренных жителей, распределили их по «национальностям» и далее по группам («родам»); в один «род» часто попадали совершенно не связанные друг с другом семьи и стойбища. В более позднее время этническая терминология несколько раз менялась, и, с учетом высокой степени смешения эвенов, юкагиров, якутов, коряков и чукчей друг с другом (см.: Туголуков 1982; Гурвич 1982), в наши дни от первоначального этнического распределения XVII века не осталось почти ничего. Современные этнические термины сформировались на протяжении последних 200 лет и являются весьма условными; к примеру, эвены до 1930-х годов не выделялись в литературе как самостоятельная группа: некоторые группы эвенов, преимущественно камчатские, анадырские и колымские, в XIX –

начале XX века назывались ламутами, остальных не отделяли от эвенков и называли тунгусами (Туголуков 1982: 155). В реальности каждая территориальная группа чукчей, юкагиров, эвенов и других имела (а часто и до сих пор имеет) свое самоназвание и осознавала себя как отдельную общность. Как не без юмора заметила одна из наших информанток-чукчанок, «мы вообще-то не чукчи, это нас Богораз сделал чукчами».

В данной книге мы тем не менее используем эту условную терминологию, не в последнюю очередь потому, что для многих представителей коренных народов эти этнонимы стали сегодня самоназванием: мало кто из юкагиров, например, помнит, из какого именно юкагирского «рода» или «племени» он происходит; то же относится к эвенкам и в какой-то степени к чукчам.

В качестве объединяющего термина для всех «туземных» групп мы будем в этой книге пользоваться термином «коренное население»; в это понятие входят перечисленные выше народы – чукчи, коряки, эвены, юкагиры и др. В это понятие *не входят* якуты, прежде всего потому, что в представлениях местных жителей (независимо от их национальности) якуты противопоставлены коренному населению, поскольку они, во-первых, являются титульной нацией республики Саха (Якутия) и, во-вторых, гораздо более многочисленны, чем коренные народы (около 300 000 человек); вероятно, здесь имеет значение и тот факт, что якуты пришли на северо-во-

сток Сибири достаточно поздно, незадолго до появления там русских.

Наконец, те группы, которые составляют основной предмет нашего исследования, принято называть «русскими старожилами» или просто «старожилами». Мы будем использовать этот термин как условный на протяжении всей книги, несмотря на то что, строго говоря, эти группы не являются в полной мере русскими, и уж точно они не более старожилы, чем коренные народы. Однако одной из задач этой книги как раз и является поиск ответа на вопрос, что, собственно говоря, представляют собой эти группы; поэтому мы считали бы здесь обсуждение терминологических тонкостей преждевременным.

Книга состоит из четырех глав. В главе 1 даются краткие сведения о колонизации Сибири, излагается история складывания территории Северо-Востока и старожильческих общностей, а также даются исторические сведения о трех районах, составляющих case studies нашего исследования, и о трех группах населения: Русское Устье, Походск и Марково.

Глава 2 начинается с обсуждения того, как решали вопрос об идентификации и описании старожильческих групп ученые – представители эволюционистского направления в этнографии XIX – первой половины XX века, т. е. рассматривается эволюционистский дискурс о марковцах, колымчанах и индигирцах. Далее рассматривается проблема катего-

ризации старожильческих групп – вопрос о том, как их описывало, трактовало и идентифицировало российское и советское государство. В последнем разделе этой главы обсуждается номинационный аспект этничности старожилов, т. е. значение и употребление тех этнонимов и автоэтнонимов, которые жители трех районов используют сегодня.

В главе 3 описывается система признаков, по которым старожильческие группы отделяют себя от соседей – коренного населения и приезжих русских, такие как рождение или проживание на определенной территории, характер, поведение, пища, одежда, язык и др.

Наконец, глава 4 посвящена проблеме современного распределения отношений власти и социально-экономического статуса между старожильческими и другими группами, а также описанию того, как менялись эти факторы за последние сто лет.

Следует специально оговорить, что читатель не найдет в этой книге подробного этнографического описания старожильческих групп. Сведения о реальной сегодняшней жизни, занятиях, представлениях и верованиях марковцев, русскоустыинцев и походчан даются лишь попутно, в той мере, в какой это необходимо для обсуждения основной темы данной книги – этничности старожилов, ее изменения, а также факторов, влияющих на это изменение.

Глава 1. История старожильческих групп

Краткие сведения о колонизации Сибири

Истории заселения русскими обширных территорий к востоку от Урала посвящена громадная литература, обозревать которую (и даже просто перечислять) здесь нет ни возможности, ни смысла.⁶

Начало присоединения Сибири к Российскому государству относится к концу XVI века, когда русские отряды перешли за Уральский хребет и начали движение на восток. Это движение было связано с именем богатейшего рода предпринимателей Строгановых, действовавших по приказу Ивана Грозного, указы которого (1564 и 1574 гг.) предписывали им строить восточнее Перми передовые посты и крепости для обороны восточных рубежей страны. Не ограничиваясь обороной, Строгановы сформировали военный отряд под пред-

⁶ Из основных источников следует назвать работы: Миллер 1999 [1750]; Буцинский 1889; Головачев 1902а; Огородников 1922; Берг 1927; Долгих 1960; Гурвич 1966; а также многотомную «Историю Сибири», особенно второй том (1968); из более новых работ см.: Slezkine 1994а.

водительством атамана Ермака, который около 1580 года перешел Уральские горы и двинулся вниз по рекам Тагил и Тура, положив начало завоеванию Сибири (Миллер 1999 [750]: 209 и след.; История Сибири 1968: 25 и след.). За исторически очень небольшой срок, менее 100 лет, казаки и промышленники, перевалив Уральские горы, продвинулись на тысячи километров на восток и вышли к Тихому океану.

Появление русских на территориях к востоку от реки Индигирка – в районах современной Восточной Якутии, рек Колыма, Гижига и Анадырь – относится к середине XVII века. В 1633 году «служилые и промышленные люди» выходят по реке Лена к Ледовитому океану, достигают по морю устья рек Яна и Индигирка и открывают «юкагирскую землю». Одновременно была открыта сухопутная дорога к верховьям Яны и Индигирки, а затем и Колымы. В 1642 году Иван и Ерило Ерастовы пришли морем на реку Алазея, где встретили чукчей. В 1644 году Иван Стадухин перешел морем на Колыму (Берг 1927: 6) и основал на острове в устье Колымы острог; эта дата считается датой основания Нижнеколымска, хотя сам город около 1750 года был перенесен с острова километров на 30 вверх по течению на левый берег Колымы (Трифонов 1872: 160).

В 1648 году Семен Дежнев с командой казаков проплыл вдоль побережья Северного Ледовитого океана от устья Колымы на восток, прошел Беринговым проливом и, обогнув Чукотский полуостров, вошел в устье реки Анадырь. Под-

нявшись по Анадырю, казаки Дежнева зазимовали там и вернулись обратно на Колыму в следующем, 1649 году. Между 1650 и 1655 годами на Анадырь неоднократно ходил (и некоторое время жил там) Михаил Стадухин (Русские мореходы 1952: 246); постепенно русские начали оседать в этих местах. На протяжении 1640–1650-х годов территория осваивалась, строились зимовья и крепости – остроги: Якутский острог на реке Лена, Верхнеянский острог и Нижнеянское зимовье на Яне, Подшиверское, Уяндинское и Олюбенское, Алазейское, а также Верхне-, Средне- и Нижнеколымское зимовья (Александров 1973: 18). Итогом этого процесса явилось возникновение опорных населенных пунктов постоянного характера вокруг бывших острогов и ясачных зимовий, служивших вначале оборонительными, а позднее административно-хозяйственными и экономическими центрами управления территорией (Федорова 1998: 26).

Основной движущей силой, толкавшей русских на восток, были меха – соболиные, песцовые, лисьи, беличьи. Доходы от мехов, доходившие до Сибирского приказа (т. е. – до казны), составляли в 1635 году 63 тысячи рублей, в 1640-м – 82 тысячи, в 1644-м – 102 тысячи, или *одну тринадцатую* часть от общей суммы государственного дохода. Быстрый рост ясака именно в эти годы объясняется присоединением сбора ленских и якутских инородцев. Однако, помимо правительственных мероприятий по освоению северо-восточных земель и обложению населения пушным налогом,

шла параллельная – вольная и невольная – колонизация, усиливавшаяся год от года и состоявшая из беглых крестьян и ссыльных.

Практически все исследователи пишут про «два течения колонизации» – правительственную и стихийную. Если правительственное течение шло определенным руслом, то народное течение, никем не управляемое, разбивалось на мелкие ручейки. В первые же годы после Ермака в Сибирь двинулось много «гулящих людей», а также промышленников, охотников и звероловов. Это стихийное переселенческое движение не прекращалось на протяжении всего XVII века: в состав переселенцев входили крестьяне, недовольные усиливавшимся закрепощением, бежавшие от помещиков дворовые, укрывавшиеся от рекрутчины и платежа повинностей, непоиманные преступники и т. п. (Азиатская Россия 1914; Григорьев 1928а: 264—265). Этим двум элементам – правительственной и стихийной колонизации – суждено было стать основой дальнейшего процесса освоения Сибири (Милюков 1964: 201).

О сравнительных масштабах правительственной и стихийной колонизации можно судить, например, по данным об образовании поселений в Енисейской губернии: из 776 поселений, существовавших здесь в начале XX века, только 102 возникло благодаря распоряжениям правительства, а остальные 674 поселка образовались путем свободной, никем не управляемой колонизации, главную роль в которой играли

«гуляющие люди» (Григорьев 1928а: 265).

К концу XVII века численность русских переселенцев на северо-востоке Сибири может быть приблизительно оценена следующим образом: в низовьях Индигирки – несколько семей, на Колыме – около 30 семей, на Анадыре – примерно 30—35 семей. На протяжении XVII века численность русских постоянно менялась: если в 1630–1650-е годы, в эпоху «соболиного бума», в этих районах насчитывалось до 1200 промышленников и до 100 «служилых людей» (официальных представителей власти), то в 1650-х годах это число сократилось по меньшей мере вдвое, а к 1670-м годам упало до 200—250 промышленников (Гурвич 1963: 91). Промышленники ушли по причине сокращения поголовья соболя, которого во многих местах просто истребили; кроме того, некоторые районы были объявлены правительством закрытыми для промысла (там же, 83). Но зато это резко сократившееся население по большей части осело в указанных районах и обзавелось семьями. Эти 200—250 мужчин и составили, видимо, основу того, что через несколько десятилетий станет смешанным населением края.

Русские переселенцы и промышленники селились анклавами, так как по закону им запрещалось жить среди местного населения или занимать уже занятые обьясаченными инородцами земли (Гурвич 1963: 81; Федорова 1998: 23—24). Однако контакты были неизбежны, и прежде всего – контакты брачные. В середине XVII века крещение «тузем-

цев» считалось нежелательным, поскольку в этот период с крещеных не брали ясак. Это касалось и крещения женщин, которых служилые люди и промышленники брали в сожительницы: если допустить крещение такой женщины, то она могла стать законной женой русского промышленника, и их дети автоматически освобождались от уплаты ясака. Сожительство же с некрещеными запрещалось, за нарушение полагался штраф. Тем не менее торговля женщинами процветала: туземная женщина стоила от 10 до 20 рублей – по тем временам довольно дорого (Михайлов 1886: 95—96). Купленных у туземцев женщин казаки и промышленники старались представить как пленниц, взятых в бою: это был единственный законный путь закрепления своих прав на женщину, поскольку пленницу можно было окрестить (Гурвич 1963: 79). «Если основываться на грамоте митрополита Павла (1691), сетовавшего на сожительство русских с некрещеными и невенчанными женщинами, метисация в новопостроенных городах протекала в больших размерах» (Бунак 1973: 124). И. Серебренников также отмечает, что относительный избыток женщин среди инородцев Восточной Сибири и недостаток их среди русских переселенцев явился заметным фактором в деле взаимной ассимиляции русского и инородческого населения (Серебренников 1908б: 30; см. также: Кузнецов 1914: 184—186). Б.О. Долгих, исследовавший значительный статистический материал, констатирует, что «на всем огромном пространстве юкагирской земли от

Лены до Анадыря и у служилых, и у промышленных людей были жены юкагирки» (Долгих 1960: 440)⁷. Основным центром работорговли был Якутск, куда женщин свозили из Охотска, с Камчатки, с Анадыря, с Гижиги, из Зашиверска, с колымских зимовий и из других мест – т. е. со всей интересующей нас территории. Эта торговля прекратилась лишь в начале XIX века (Рябков 1887: 11).

В истории колонизации Сибири, и особенно ее северо-восточной части – Якутии, большую роль сыграла ссылка – практика выселения преступников, повинных в совершении тяжелых преступлений, «в Сибирь», восходящая к середине XVII века: уже в Уложении 1649 года за некоторые преступления устанавливалась ссылка «на житье на Лену». Особое место в сибирской ссылке занимали две группы ссыльных: религиозные ссыльные (старообрядцы и сектанты) и политические ссыльные. Первые сыграли значительную роль в экономическом развитии края, вторые много сделали для его изучения и культурного развития. Расцвет якутской ссылки относится к XIX веку: к концу этого столетия уголовные ссыльные вместе с добровольно прибывшими с ними членами семей составляли примерно 66,2% всего русского населения края (Бахрушин 1955: 33—35). Правительство, стремясь увеличить русское население края, всячески поощряло

⁷ Противоположную точку зрения высказывает В.А. Александров, который утверждает, что переселенцы, едва только они устраивались на новом месте, тут же выписывали свои семьи «с материка» – однако это если и верно, то лишь для Западной Сибири (Александров 1973: 24).

оседание ссыльных в Сибири – и даже выплачивало специальные пособия крестьянам, выдававшим дочерей за ссыльных. Однако меры к устройству браков русских с русскими оказались недостаточными, и браки русских с инородцами были широко распространены (Азиатская Россия 1914: 185).

История складывания смешанных общностей

Немногочисленным на первых порах русским переселенцам пришлось встретиться с многочисленными и разнородными коренными жителями – «инородцами», которые оказали на них большое влияние как в физическом, так и в хозяйственном и культурном отношении. В свою очередь, коренное население Севера испытало сильное влияние русских колонистов. 80-е годы XVII века – это время, когда начинается сближение оседлого русского населения и коренного населения бассейна Анадыря и Колымы; это сближение происходило на основе сходства занятий: некоторые группы юкагиров занимались охотой и рыбной ловлей, те же занятия были характерны для русских поселенцев. В только что основанном Анадырском остроге жили как русские, так и представители всех коренных народов края: чукчи, коряки, ходынцы, анаулы, чуванцы и омоки. Положение последних варьировалось от венчаных жен казаков до пленников – работников, крепостной прислуги и вольных (Бурькин 1993: 11). Аналогичная ситуация была и в других, более поздних и более мелких поселениях: везде осевшие русские брали в жены местных, преимущественно юкагирских женщин, как купленных, так и «взятых в плен», и образовывали этнически смешанные более или менее постоянные поселки.

С самого начала контакта, с приходом на крайний Северо-Восток осевшие в этих местах русские начали перенимать некоторые бытовые приемы и материалы у местного населения. И.С. Гурвич приводит следующую цитату из донесения русских с Анадыря 1659 года: «А на Анадыре реке служилых людей пять человек, да торговых и промышленных людей 32 человека. А живут с великою нуждою, и кормятца рыбю, делают сетишки ис крапивы, а хто привезет с Руси сетного холстишка и прядена, и покупают на кость рыба зубу, за сеть дают по пуду кости семерной <...>. А обувь носят кожу моржовую, а лапотишко, парки олени и ровдуги, покупают у иноземцев дорогою ценою на железо» (Гурвич 1963: 82). Ситуация оставалась неизменной на протяжении следующих двух с половиной веков: в трудах С.П. Крашенинникова (1740-е годы), К. фон Дитмара (1850-е годы) и В.Л. Комарова (1909) находим сходные высказывания о быте потомков казаков и камчадалов на Камчатке, ср.: «Казачье жильё на Камчатке не разнствует почти от камчадальского... Образ жизни большерецких жителей никакой разности не имеет с камчадальским» (Крашенинников); «Обитатели Мильковой (поселок на Камчатке. – *Авт.*) называют свое поселение русской деревней, а не камчадальским острогом; нисколько не отличаясь от камчадалов ни по одежде, ни по языку, ни в каком другом отношении, они тем не менее очень напедают на свое чисто русское происхождение» (фон Дитмар); «Теперь далеко не всегда скажешь, кого видишь перед собой,

камчадала или русского – настолько они перемешались между собой и настолько одинаковы их образ жизни, одежда и утварь. Даже там, где жители сами считают себя чистокровными потомками аборигенов края, трудно поймать их характерные черты» (Комаров, цит. по: Гурвич 1966: 129, 209). Число подобных высказываний легко умножить: об этом пишут и другие исследователи.

Помимо прочих результатов колонизация Сибири породила, таким образом, довольно большое количество мелких общностей, смешанных в этническом, культурном и языковом отношении. Территория этих общностей распространялась от западных границ Якутии («затундренные крестьяне») до Камчатки на востоке и до реки Ангара и озера Байкал на юге. Наиболее известные центры – поселки Русское Устье и более мелкие поселения на Индигирке, Походск и Нижнеколымск на Колыме, Марково и окружающие мелкие поселения на Анадыре, Гижига и Ола в современной Магаданской области, Пенжина, Слаутное и другие на северной Камчатке, десятки мелких поселений в центральной Камчатке. Многие из этих поселков были тесно связаны между собой в экономическом, культурном, языковом и родственном отношении, практиковали регулярный обмен товарами, людьми и информацией.

Территория и ее формирование

В каком-то смысле территория (площадью более 1,2 млн кв. км), лежащая в треугольнике Среднеколымск–Гижига–Марково (со стороной примерно 450—600 км) и включавшая поселки по течению р. Гижига, поселки по р. Пенжина на северной Камчатке, поселки по р. Анадырь и поселки по р. Колыма, составляла в XVIII и XIX веках некое единство – как в сознании людей, ее населявших, так и в представлениях исследователей и администраторов. Эта единая территория меняла свои границы, конфигурацию, распадалась на части, вновь сливалась, послушно следуя за естественными процессами развития и упадка поселений, за ростом или сокращением населения, да и просто за причудами правительственных указов об образовании и ликвидации тех или иных административных единиц. На западе к этой территории примыкали поселения по течению Индигирки.

Между разными точками на этой территории существовали устойчивые связи. Так, грузы с Колымы через Омолон на Анадырь отправлялись казаками уже в XVIII столетии (известна отправка 1785 года) и на протяжении всего XIX века. Казакам был хорошо известен путь из Нижнеколымска в Гижигу, который обычно занимал 26 дней (Молодых 1930: 32).

Путешествовавший по северным областям Якутии в 1869—1870 годах К.К. Нейман, говоря о Колымской округе, упо-

минает в числе других и реку Анадырь (Нейман 1872: 33). Это не означает, что р. Анадырь официально относилась к этой административной территории, но это подтверждает, что в сознании путешественника данная территория существовала как единая. А.А. Ресин, проехавший через те же места через 15 лет после Неймана, говорит о р. Анадырь как о крайней северной границе Камчатки (Ресин 1888: 12).

Границей этой территории на северо-востоке долгое время – как минимум до конца XIX столетия – была, видимо, река Анадырь. К северу и востоку от нее начиналась страна чукчей – единственного, по словам Н.Л. Гондатти, «несовершенно зависящего» народа Российской империи, т. е. народа, так никогда и не покоренного и никогда не платившего государству налогов иначе как по доброй воле (Гондатти 1897в: 169). За 15 лет до Гондатти А.А. Ресин писал о территории к северу и востоку от р. Анадырь: «Таким образом, чукмари (керекки. – *Авт.*) по Анукинскому и Туменскому берегу и чукчи к востоку и северу от селения Марково <...> фактически не знают над собой никакой власти» (Ресин 1888: 12—13). Еще за полвека до этого охотский окружной врач Богородицкий указывал, что за чертой реки Анадырь нет уже не только постоянных русских или инородческих заселений, но даже и простых кочевий, которые платили бы ясак (Богородицкий 1853: 50).

Анадырцы практически никогда не ездили в те края: тот же Гондатти, которому в 1895 году нужно было проехать из

Маркова в бухту Провидения, не мог найти в Маркове проводников и писал: «...из анадырских инородцев, как обруселых, так и остальных, в бухте Провидения и вообще в поселениях так называемых сидячих чукчей никто не бывал» (Гондатти 1898: 1).

На юго-западе границей этой территории была, видимо, река Пенжина, на западе – реки Гижига, Омолон и Колыма. Во всяком случае, во всех без исключения описаниях края середины и конца XIX и начала XX века эти названия – Пенжина, Гижига, Омолон, Анадырь, Колыма – постоянно соседствуют. Местное население относительно свободно перемещалось в пределах этой территории – сезонно, с целью охоты или торговли, или постоянно, меняя место жительства с Гижиги на Анадырь, с Анадыря на Пенжину, с Пенжины на Колыму. И не случайно во всех описаниях именно реки служат основными опорными точками: возникшее на этой территории смешанное оседлое русско-юкагирско-чуванское население занималось в основном рыболовством: «А чуванцы-юкагиры, которые пришли сюда с Анюя <...>, здесь больше занимаются рыбой, чем оленем, ибо рыбы здесь больше, а *русская работа по всему северу речной рыбный промысел, ибо это наиболее оседлое занятие*», – пишет В.Г. Богораз о населении реки Анадырь (Богораз, рукопись, л. 3; выделено нами).

Очень медленно к этой русско-юкагирско-чуванско-эвенской смеси добавлялся «чукотский элемент». В.Г. Богораз

в полевых дневниках 1901 года отмечает изменения среди чукчей по сравнению с его же наблюдениями 1890-х годов и относит эти изменения на счет влияния оседлых жителей Анадыря. «Все они (анадырские чукчи. – *Авт.*) крещеные, ясачные, понимают кое-что по-русски. Живут они <...> в деревянных юртах с чувалом (очагом. – *Авт.*), очень напоминающих якутские юрты <...>, и, конечно, заимствовали это от марковцев, а не от якутов. К другим чукчам они относятся с презрением» (Богораз, рукопись, л. 1 об.). Эти чукчи появились на Анадыре, видимо, около 1880 года, «ибо нет ни одного человека, который родился бы здесь в юрте, кроме подростков» (там же, л. 3).⁸

Так воспринималась эта территория в разное время и разными людьми. Однако параллельно с этим существовали и официальные границы территории. Как происходили изменения административных границ и как эти изменения влияли на восприятие территории?

До 1851 года эта территория входила в состав Охотского приморского управления. В 1851 году территория вошла в состав Камчатской области под именем Гижигинского уезда⁹. Границы уезда: река Анадырь, река Пустая – рубеж с

⁸ См. подробно об этом периоде заселения территории между Колымой и Анадырем: Богораз 1934: 32—33 и 34—49.

⁹ Названия *округ*, *окрúга*, *уезд*, *край* применительно к этим территориям употребляются в документальных источниках и литературе XIX – начала XX века непоследовательно (см., например: Камчатка 1997: 96—98).

Камчаткой, Пенжинская губа, Охотское море (Богородицкий 1853: 49)

Одним из выводов А.А. Ресина, совершившего в 1885 году путешествие из Владивостока до Чукотки, была рекомендация выделить Анадырский уезд (округ) из Гижигинского уезда – что и было вскоре сделано: летом 1888 года было организовано Анадырское окружное управление, и село Марково, как наиболее крупное поселение в районе, стало резиденцией окружного начальника. Первым начальником был Л.Ф. Гриневицкий, основавший в 1889 году Новомариинский пост, впоследствии город Новомариинск, теперь – город Анадырь. В 1895 году начальником округа был назначен неоднократно уже упоминавшийся Н.Л. Гондатти (История Чукотки 1989: 117—118).

В 1902 году Анадырский, Гижигинский и другие округа были переименованы в уезды, а в 1909 году был принят закон об административном устройстве Приморской области. Из уездов Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского и Командорского была образована Камчатская область (Камчатка 1997: 97). Центр Анадырского уезда переехал в Новомариинск (История Чукотки 1989: 128).

После революции 1917 года интересующая нас территория некоторое время подчинялась то Петропавловскому совету, то Камчатскому областному комитету; некоторое время власти не было вообще, затем в 1920 году Анадырская округа вошла в состав Дальневосточной республики. В мар-

те 1921 года Учредительное собрание ДВР ратифицировало договор о границах с РСФСР; в соответствии с этим договором Камчатская область (переименованная в 1922 году в губернию) вместе с Анадырским округом (уездом) отошла РСФСР (История Чукотки 1989: 151) и вместе с еще тремя губерниями (Забайкальской, Приморской и Амурской) образовала Дальневосточный край. В пределах Камчатской губернии было 5 уездов: Чукотский, Анадырский, Гижигинский, Охотский и Петропавловский (Лагутин 1926: 5).

После ликвидации ДВР в 1922 году и присоединения ее к РСФСР в пределах Анадырского уезда было создано три волостных, или районных, ревкома (Анадырский, Марковский и Бельский) и четыре сельских (Еропольский, Красненский, Чикаевский и Ламутский) (История Чукотки 1989: 155). В 1923—1926 годах было проведено районирование, были упразднены губернии и вместо них введены округа (Лагутин 1926: 6).

Путаница и неразбериха с географическими названиями и административными границами продолжалась еще некоторое время; так, на карте 1926 года интересующая нас территория официально именуется «северными окраинами Дальневосточного края». На карте ЦСУ 1929 года, отражающей перепись 1926/27 годов (По-хозяйственная перепись 1929), Анадырский район отнесен к Камчатскому округу: весь Дальневосточный край разделен на три округа – Колымский, Камчатский и Николаевский, причем в первый входят

четыре *улуса* (Колымский, Нижнеколымский, Омолонский и «район Восточной тундры»), во второй – 8 *районов* (Чукотский, Анадырский, Большерецкий, Карагинский, Пенжинский, Петропавловский, Тигильский и Усть– Камчатский), а в третий – один Ольский район.

В 1930 году был образован Чукотский национальный (после 1980 года – автономный) округ, который включал районы: Анадырский, Марковский, Чукотский, Чаунский и Восточной тундры. В 1951 году Чукотский национальный округ выделен из состава Камчатской области и подчинен Хабаровскому крайисполкому. В 1953 году округ вошел во вновь образованную Магаданскую область; Анадырский и Марковский районы также стали относиться к Магаданской области. Человеческие и торговые связи через вновь образованную административную границу между Чукоткой и Камчаткой поддерживались примерно до 1960 года, затем постепенно заглохли.

В Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) хранится интересный документ 1950 года – докладная записка Хабаровского крайкома ВКП(б) и крайисполкома на имя Сталина и Маленкова о целесообразности образования в составе Хабаровского края новой Колымско-Чукотской области, объединяющей Ольский, Среднеканский и Северозэвенский районы Колымы, северо-западную часть Пенжинского района Корякского НО и весь Чукотский НО. Этот документ отражает попытку вновь объединить ту территорию, которая

когда-то действительно существовала как единая. Объясняя необходимость включения Колымы, которая сейчас принадлежит Якутии, в состав новой области, авторы записки пишут: «Колымско-Чукотская область своей северо-западной границей от Восточно-Сибирского моря до Верхнеколымска должна иметь, с нашей точки зрения, реку Колыму. В настоящее время эта судоходная река на указанном участке находится на территории Якутской АССР, тогда как эксплуатация ее связана почти целиком с деятельностью Дальстроя МВД и, следовательно, с экономикой колымских и чукотских районов» (ГАХК. Ф. 353. Оп. 6. Ед. хр. 78. Л. 3).

Наконец, в 1993 году Чукотский автономный округ вновь вышел из состава Магаданской области и в настоящее время имеет статус субъекта Российской Федерации.

Эти административно-территориальные пертурбации не могли не отразиться на самосознании людей, населявших интересующую нас территорию, на их этнических, торговых, семейных и психологических связях.

Описываемая обширная территория существовала и воспринималась как единая не только в административном или психологическом отношении. Единство территории поддерживалось прежде всего торговлей – ежегодными ярмарками, и прежде всего знаменитой Анюйской, или «чукотской», ярмаркой.

Место для этой знаменитой «чукотской ярмарки» на реке Анюй было выбрано около 1789 года, но и до этого ежегод-

ная ярмарка была весьма популярна и устраивалась в устье реки Ангарка (приток Большого Анюя). Ярмарка устраивалась ежегодно более ста лет и определяла торговую жизнь всего огромного и малонаселенного края; здесь был конечный пункт всех купеческих путей Северной Якутии.

В 1810 году на реке Малый Анюй, на острове в 250 верстах к востоку от Нижнеколымска, было образовано небольшое поселение Островное, которое и стало центром ярмарки. Ярмарку в местечке Островное описывал еще Ф.П. Врангель, путешествовавший в тех местах в 1820—1824 годах, причем его особенно поразила ее этническая и языковая пестрота. Место оказалось неудачным, берег острова постоянно подмывало, и в 1849 году поселок перенесли на 10 км вниз по течению реки. При взгляде на карту видно, что район села Островное находится примерно на одинаковом расстоянии между группой населенных пунктов реки Анадырь и поселками Колымы, т. е. как бы представляет собой недостающее звено в цепочке связей между ними.

Анюйская ярмарка открывалась в конце марта и продолжалась 8–10 дней. Кроме колымского населения на нее съезжались жители Чукотского полуострова¹⁰. В 1851 году на ярмарке было зарегистрировано почти 800 человек – 620 чук-

¹⁰ Регулярное проведение этой и других ярмарок (см. ниже) изменило всю структуру товарообмена не только в описываемом регионе, но затронуло и Аляску. Европейские товары через Берингов пролив стали проникать в самые отдаленные ее районы; аляскинцы, как и коренные жители северо-востока Сибири, выменивали эти товары на меха (Schweitzer 1990; Швайтцер, Головкин 2001).

чей (оленных и береговых), 50 якутов, 3 чуванца, 120 русских и 6 купцов. В 1894 году на ярмарке было более 900 человек: чукчей 681, якутов 30, чуванцев 3, ламутов 140, русских 100, купцов 5. Большинство на ярмарках составляли, таким образом, чукчи: благодаря своей подвижности, регулярным миграциям с севера на юг и с запада на восток с оленными стадами, чукчи представляли собой идеальных торговых посредников и быстро разносили купленные на ярмарке товары по периметру своей громадной кочевой территории.

Эти ярмарки, с полным основанием называвшиеся «чукотскими», собирали огромные для этих малонаселенных мест массы людей и были, по-видимому, значительным событием, определявшим ко всему прочему и годовой хозяйственный цикл различных местных локальных групп населения. Один из путешественников, К.К. Нейман, дает в своей статье очень живописное описание Анюйской ярмарки 1869 года, показывая поразившую его смесь разных народов, товаров, языков – гомон, смех, бурлящая жизнь, в которой видишь «там жителей Анадырского острога, здесь обитателей Русского Устья, Индигирки...» (Нейман 1872: 67).

Карл фон Дитмар в своих путевых очерках также упоминает якутскую ярмарку как один из центров, связывавших этот регион: сюда «доставляют свои меха берега Охотского моря, Камчатка, Чукотская земля, а через ее посредство отчасти и северо-запад Америки, далее – бассейны Лены до Амурского края, Яны, Индигирки и Колымы» (Дитмар 1901:

25).

После того как в 1860–1880-е годы американский китобойный промысел широко распространился в Беринговом море, роль ярмарки как канала поступления европейских товаров стала постепенно падать, поскольку американские моряки начали снабжать жителей территории своими товарами с противоположной стороны – через прибрежные эскимосские и чукотские поселки (Bockstoe 1995 [1986]).оборот ярмарки сокращался: 1899 год – 11 894 рубля, 1900 – 7 551 рубль, 1901 – 8 500 рублей, 1902 – 5 526 рублей. Участие в ярмарке перестало оправдывать все тяготы путешествия в этот отдаленный уголок Северо-Восточной Якутии, и в 1904 году ярмарка была закрыта.¹¹

В «Материалах по исследованию путей сообщения Приамурского края» авторы также пишут об упадке ярмарок в 1910-е годы: «В последние годы почти прекратилась торговля Якутска с Колымским краем, так как все шкуры, кость, меха вымениваются чукчами на американские товары и перепродаются в Америку. В 1911 году якутские купцы вернулись из Колымска, не распродав товаров» (Материалы 1913: 45).

Параллельно с Анюйской ярмаркой существовало несколько более мелких; значение и размах некоторых из

¹¹ Данные об Анюйской ярмарке взяты из рукописи Н.Н. Уманцева «Экономический очерк Восточной тундры» (1938) – Архив Чукотского автономного округа (ЧАО). Ф. 3-85. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14.

них выросли после закрытия Анюйской ярмарки, другие заглохли еще раньше. Так, в начале XIX века ярмарка устраивалась в окрестностях Анадырской крепости, основанной гижигинским купцом Барановым в 30—40 верстах вниз по течению Анадыря от современного Маркова (Дьячков 1992: 208). «На ярмарку съезжались: исправник с казаками и русским купечеством с одной стороны и чукчи с другой. Но теперь этой ярмарки не существует и прекратилась она со времени начала деятельности американцев у наших берегов» (Ресин 1888: 56). Еще одна ярмарка проходила в селе Пантелеиха на Колыме, вниз по течению от Нижнеколымска. А. Аргентов пишет о Нижнеколымске, что жители набираются в него только на один месяц, перед весной, в ярмарочную пору, и добавляет: «В другое время года здесь находят: священник без причта, фельдфебель без команды, училище без учеников, престарелая купчиха без денег и товара да сторож, он же вахтер. Пусто и скучно в другое время года» (Аргентов 1879: 7).

Наконец, еще одна ярмарка обосновалась в районе Маркова и Еропола. Вот как описывает роль Марковской ярмарки анонимный автор «Экономического очерка бассейна р. Анадырь» (1932—1934): «В сравнительно еще недавнее время – около 40 лет тому назад – единственным крупным торговым центром являлось сел[о] Марково, однако и здесь торговля происходила лишь во время ежегодных ярмарок, куда съезжались кочевники со всего Анадырского бассей-

на и даже так называемые „носовые“ чукчи, проживающие на морском побережье на границе с Аляской. Торговля осуществлялась гижигинскими и колымскими купцами, привозившими свои товары. Обычно по первому снегу, а иногда и раньше, марковские жители выезжали в Гижигу, забирали товар и купцов и возвращались в Марково. Приблизительно к этому времени подкочевывали оленеводы и в окрестностях с[ела] Марково происходил торг-ярмарка в течение нескольких дней. Здесь кочевник сбывал продукцию своего хозяйства – пушнину, олени шкуры, мясо и взамен получал крайне ограниченный ассортимент привозимых товаров: это в первую очередь чай, табак, охотничий инвентарь, посуду (котлы, чайники), инструмент. <...> Таким образом, снабжение кочевников происходило только раз в год, и ярмарка составляла для разбросанных на громадном просторе тундры кочевников единственный общественный праздник в мгновенно возникавшем центре, где, как в фокусе, сосредотачивались все нити, соединявшие их между собою, где обмениваются товары всевозможного происхождения – от американского ружья до ламутского верхового оленя, где собираются вести со всех сторон, устраиваются самого различного характера семейные дела, состязания и борьба, олени бега на призы и т. п. <...> Сообщения и слухи, прилетевшие сюда, потом медленно катятся от стойбища к стойбищу, проникают в самые глубокие дебри горных долин, где никогда еще не показывалось „бородатое“ лицо русского и где представ-

ление о нем смутно и таинственно» (Архив ЧАО. Ф. Р-15. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25).

Эти ярмарки дожили почти до наших дней. Вот что вспоминают о них наши информанты:

В Старом Ерополе были ярмарки. Когда съезжались туда – все понимали друг друга, все договаривались. Но все равно еропольские говорили по-своему. Ярмарки были давно, есть книга про них (видимо, имеется в виду книга А.И. Дьячкова. – *Авт.*), еще до революции были. Я помню, что в 1945 году был последний раз, когда ездили на ярмарку, потом перестали. Оленеводы приезжали, люди из Чуванского, из Ламутского, из Маркова (м 32 МК).

В Старом Ерополе были ежегодные ярмарки, на которые приезжали даже из Островного, а также, конечно, со всех сел этой территории (м 40 МК).

Ярмарки – в марте, когда бега. Русские приезжали, чукчи, чуванцы, ламуты, всегда приезжали с периферии. С Березова приезжали, с Ваег, с Чуванска, с Ламутского, Еропола (м 32 МК).

Многие черты сходства между разными группами населения могут, по-видимому, объясняться прямыми контактами между ними. Регулярные ярмарки были, видимо, главной основой, фундаментом единства территории в течение всего XIX столетия – вплоть до того, что постоянные посетители

этих ярмарок выработали какой-то, ныне не сохранившийся местный *lingua franca*: «На Островенской ярмарке употребляется, можно сказать, свое особенное наречие, составленное из беспорядочной смеси русских, чукотских, якутских и других слов. Только на таком языке объясняются между собой торгующие», – писал Ф.П. Врангель, проехавший через эти места в 1820—1824 годах (Врангель 1948 [841]: 178).

Регулярными встречами на торговых ярмарках Н.Л. Гондатти объясняет, в частности, многочисленные отмеченные им сходства анадырцев с индигирцами – сходства примет, верований, многих слов (Гондатти 1897в: 159—160). Действительно, «семейные дела», о которых шла речь в приведенной выше цитате, – это, видимо, прежде всего заключение браков: торговая ярмарка включала, скорее всего, и ежегодную ярмарку невест, а регулярные брачные контакты не могли не способствовать перетеканию тех или иных культурных элементов из одной общины в другую.

В.М. Зензинов, которому в бытность его в Русском Устье приходилось поневоле быть на все руки мастером, в том числе и врачом, прочитав статьи Н.П. Сокольниково о марковцах, пишет свой комментарий (Зензинов 1914б: 155—161), в котором приводит многочисленные примеры полной идентичности методов лечения в Маркове и в Русском Устье и делает вывод: «Указанные способы лечения слишком характерны, чтобы существование их на Анадыре и на Индигирке можно было объяснить случайным совпадением».

Три старожильческих общности

Как уже упоминалось во Введении, из всей этой огромной территории мы возьмем в качестве case studies для данного исследования три точки – поселок Русское Устье в устье Индигирки, поселок Походск в устье Колымы и поселок Марково в среднем течении Анадыря. Именно эти три поселка описаны в научной литературе, пожалуй, лучше всего, и именно для этих поселков мы располагаем собственными полевыми данными.

Рассмотрим коротко историю образования этих трех поселений и историю складывания этнических общностей, их населяющих.

Индигирка: село Русское Устье

Первые русские появились на Индигирке в 1640-е годы: отряд под командованием Ивана Реброва пришел на Индигирку с моря. В верховьях Индигирки в 1640 году побывал отряд Ивана Постника, а в 1645 году Иван Ерастов уже собирал ясак в низовьях Индигирки. В 1646 году Андрей Горелый, Колобов и Федор Чюкичев совершили плаванье из устья Индигирки в устье Алазеи (Открытия 1951: 99–102, 129—135, 143).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.